

Л. И. Вигерина

Изучение «Хожения за три моря» Афанасия Никитина в российской филологической науке XXI века

Уникальное произведение русской словесности XV века «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, несмотря на длительную и плодотворную историю его изучения, остается во многом загадочным для читателей XXI века. Нерешенными или дискуссионными на сегодня являются вопросы, связанные как с личностью автора, его мировоззренческой позицией, целью путешествия, так и со спецификой «Хожения» как литературного памятника. Цель статьи – определить основные тенденции в изучении «Хожения» в российской филологической науке XXI века. Новизна прочтения «Хожения» в XXI веке связана с применением современной методологии и методики анализа литературного произведения. Описываются ключевые проблемы в изучении памятника: проблема автора, авторского сознания; способы конструирования своей культурной и религиозной идентичности Афанасием Никитиным; мотивы обращения Афанасия Никитина к восточным языкам; «мусульманский код» «Хожения», его связь с философией суфизма; типологические связи памятника с иноязычными травелогами и другие. В статье делается вывод о значительном вкладе российской филологии XXI века в осмысление «Хожения за три моря» и о перспективности намеченных направлений изучения памятника.

Ключевые слова: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, обзор научной литературы, российская филология XXI века, методология.

Для цитирования: Вигерина Л. И. Изучение «Хожения за три моря» Афанасия Никитина в российской филологической науке XXI века // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 10–28. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_10. EDN: ACLQXG

Изучение «Хожения за три моря» Афанасия Никитина было начато в середине XIX века академиком Измаилом Ивановичем Срезневским в работе «Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472» [14], уже в XX веке основательно изучено Н. С. Трубецким [16], Д. С. Лихачевым [7], Б. Успенским [18], Я. С. Лурье [8], Л. С. Семеновым [10] и другими учеными. Они внесли значительный вклад в исследо-

вание истории текста, его жанровой природы, образа автора, языка, места и значения памятника в истории русской культуры. Труды названных ученых являются теоретической и историко-литературной базой для современных исследователей данного памятника.

Несмотря на успехи науки в осмыслении «Хождения за три моря», многие вопросы, связанные с личностью автора, хронологией его путешествия, своеобразием поэтики, остаются нерешенными и дискуссионными. В XXI веке и особенно в настоящее время наблюдается повышенный интерес к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина, что отмечают и современные отечественные и зарубежные исследователи¹. Так, А. Г. Бобров в статье «Новейшие исследования “Хождения за три моря” Афанасия Никитина» указал: «Научный и общественный интерес к “Хождению за три моря” и его автору заметно увеличился в самое последнее время, и тому есть ряд причин, как социально-политических, так и культурно-исторических» [3, с. 242]. Среди причин активизации внимания к личности Афанасия Никитина и его сочинению ученый назвал следующие: «С одной стороны, этот интерес определяется общим «поворотом на Восток» российской политики, а с другой – судьбы многих соотечественников, по разным причинам оказавшихся в иноязычной и инокультурной среде, напоминают жизненный путь Афанасия Никитина» [3, с. 242].

Внимание ученых к «Хождению за три моря», с нашей точки зрения, обусловлено и развитием современной филологической науки, разработкой актуальных историко-литературных и теоретических проблем: теории и истории травелога, автора и героя, авторской маски, теории межкультурной коммуникации, гипертекста, в частности, мусульманского, индийского, персидского текстов русской литературы.

В статье будет представлен обзор репрезентативных исследований о «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, демонстрирующих основные направления в изучении литературного памятника в XXI веке.

¹ См., например, материалы IV Международного форума Иранской ассоциации русского языка и литературы: От Каспия до Персидского залива: По следам Афанасия Никитина. К 550-летию открытия сочинения Афанасия Никитина о путешествии по Персии и Гундустану. Тезисы научных докладов IV Международного форума ИАРЯЛ с 29 сентября по 2 октября 2024 г. Тегеран-Баболсар. Тегеран: Изд-во Тегеранского ун-та, 2024. 149 с.

Анализ биографии средневекового книжника и обзор современных исторических и текстологических исследований «Хожения» Афанасия Никитина, представленный в книге В. А. Толстова «Афанасий Никитин», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в 2023 году [15], сделан в статье А. Г. Боброва [3], поэтому в настоящей статье мы сосредоточимся на анализе научных источников, посвященных преимущественно поэтике памятника и выполненным в рамках более широких теоретических и историко-литературных исследований.

Кратко остановимся на основных положениях и выводах ценной статьи А. Г. Боброва, посвященной недавно вышедшим изданиям: книге В. А. Толстова «Афанасий Никитин» и книге «Хожение за три моря» Афанасия Никитина с обновленной археографией, изданной А. П. Богдановым [2]. Ученый подчеркнул, что В. А. Толстов «подошел к написанию биографии Афанасия Никитина скорее не как исследователь, а как журналист и экскурсовод, но анализ его книги позволит обратиться к дискуссионным и нерешенным вопросам научного изучения биографии путешественника и самого “Хожения за три моря”» [3, с. 242]. Хотя книга В. А. Толстова имеет научно-популярный характер, тем не менее, с точки зрения ученого, допущенные исторические, хронологические и иные ошибки, связанные с незнанием исследований по вопросам текстологии «Хожения», могут ввести читателя его книги в заблуждение. Автор статьи не только указал на фактические ошибки, касающиеся исторических лиц и событий, текстологические неточности и неверные суждения о русском летописании, но и разъяснил для читателей суть ошибок, восстановив историческую точность. Он также отметил стилистическую небрежность писательской манеры автора биографии, в частности, «регулярное использование автором вульгаризмов, канцеляризмов и просторечий, иногда с использованием кавычек, а иногда и без оных» [3, с. 246]. С точки зрения А. Г. Боброва, книга В. А. Толстова об Афанасии Никитине «едва ли сможет удовлетворить взыскательного читателя»: «Написав много необязательного и ненужного, автор благополучно миновал самые важные нерешенные проблемы изучения жизни и творчества своего героя, по сути дела, уклонился от обсуждения вопросов о его биографии, о хронологии путешествия, о его маршруте, о рукописной традиции “Хоже-

ния» и др.» [3, с. 246]. Она может лишь послужить для заинтересованного читателя импульсом к более глубокому изучению биографии и «Хожения» Афанасия Никитина.

Критически оценил А. Г. Бобров и «новое академическое издание», как заявлено в издательской аннотации к книге, предпринятое А. П. Богдановым. Во-первых, с точки зрения А. Г. Боброва, «смысл повторной публикации многочисленных достаточно близких между собой переводов “Хожения за три моря” не очевиден и А. П. Богдановым не разъяснен». «Также лишены практической научной пользы, – по замечанию ученого, – перепечатки изданий древнерусских редакций сочинения Афанасия Никитина» [3, с. 247]. К тому же, по мнению А. Г. Боброва, «читатель получил по сравнению с оригиналами публикаций лишь испорченные в процессе сканирования и распознавания тексты» [3, с. 247], так как исследователь не вычитал тексты по древнерусским рукописям. Предисловие, в котором А. П. Богданов высказал свой взгляд на «Хожение», А. Г. Бобров расценивает как «направленное против большинства текстологических решений, принятых в воспроизведенном им издании («Хожения» Афанасия Никитина. – Л. В.) 1986 года» [3, с. 247].

Указывая на исторические, хронологические неточности, пренебрежение источниками, посвященными истории текста, разным редакциям «Хожения», А. Г. Бобров делает следующий вывод: «Отсутствие специальных знаний в области истории литературы и книжности именно XV века приводит А. П. Богданова к многочисленным ошибкам и заблуждениям» [3, с. 248]. Ссылаясь на свои исследования последних лет, а также на работы филологов-медиевистов¹, А. Г. Бобров в полемике с идеями А. П. Богданова уточняет и аргументированно представляет современное решение вопроса о хронологии путешествия Афанасия Никитина: «Таким образом, новейшие исследования “Хожения за три моря” позволяют пересмотреть хронологию путешествия Афанасия Никитина. Выехав из Москвы ранней

¹ См., например, работы: Городилин С. В. Царевич Касым, князь Александр Федорович и Афанасий Никитин // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2022. Вып. 14. С. 164–169; Грязнов А. Л. «А подписал дьяк Леваш»: Администратор и дипломат на службе русских митрополитов // Акротерий. Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации. Сборник статей в честь Александра Гавриловича Мельника. М., 2022. С. 38–62; Новикова О. Л. Из истории редактирования летописных памятников в Кирилло-Белозерском монастыре на рубеже XV–XVI веков // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 206–235.

весной 1467 года, Афанасий Никитин вернулся на Русь и скончался в окрестностях Смоленска в начале 1473 года» [3, с. 253].

Исследователь уточняет вопрос о цели путешествия тверского купца: «Включение “Хожения за три моря” в состав летописного свода 1480-х годов, предположительно связанного с митрополитом Геронтием, косвенно подтверждает не “мирские”, а церковные интересы путешественника. Целью его странствия, скорее всего, являлись индийские специи (“зелья”), необходимые для сотворения священного мира, “вещества таинств”, используемого при крещении» [3, с. 253]. Более развернутое решение вопроса о цели путешествия тверского купца представлено в специальной статье А. Г. Боброва «Что искал в Индии Афанасий Никитин» [4].

Материалы и методы

Мы сосредоточим внимание на филологических и междисциплинарных исследованиях XXI века, посвященных «Хожению за три моря», и определим основные направления в изучении текста памятника в современной российской филологической науке и перспективы его дальнейшего изучения.

Отметим, что чаще в научных трудах XXI века «Хожение за три моря» привлекается в качестве литературного материала для решения актуальных историко-литературных, историко-культурных или теоретических проблем. О такого рода работах и пойдет речь в основной части статьи.

Результаты

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина – один из значимых памятников русской культуры, вызывающий и сегодня споры о личности автора, о смысле использовании иноязычной лексики Никитиным, о сохранении или потере веры героем-повествователем, не утихают споры о толковании отдельных «темных» мест его травелога, о событийности, о своеобразии нарратива и другие. Об этом свидетельствуют труды современных ученых, все они в той или иной степени носят проблемно-полемический характер, обусловленный сложностью литературного материала.

Российской наукой накоплен значительный опыт по осмыслению памятника. Каким предстает автор и его сочинение

в трудах ученых первой четверти XXI века? Какие вопросы остаются до сих пор нерешенными? Обзор современных научных источников поможет прояснить перспективы будущих исследований «Хожения за три моря» Афанасия Никитина.

Ключевым вопросом в изучении памятника как в предшествующую эпоху, так и сегодня остается вопрос об авторе и герое, об особенностях мировоззренческой позиции Афанасия Никитина и связанный с предыдущим вопросом об особенностях нарратологической структуры «Хожения», о его событийности.

В докторской диссертации¹ и работах О. Ю. Осьмухиной [9], посвященных изучению авторской маски в русской литературе, делается вывод о том, что истоки авторской маски можно обнаружить в жанрах русской средневековой литературы, не подчиняющихся средневековому этикету, таких, как моление и травелог. Анализ «Хожения за три моря» Афанасия Никитина в аспекте авторской маски приводит ученого к выводу: «В “Хожении за три моря” Афанасия Никитина попыткой определения собственного места в не просто “чужой”, но чуждой реальности становится непоследовательное, ситуативное использование повествователем авторской маски, функционирующей как в речи (контаминация мусульманских и христианских выражений), так и в поведении (контаминация мусульманских и христианских обрядов) Никитина. Маска здесь – средство сохранения собственной индивидуальности, прежде всего самости религиозной»². «Прием авторской маски, – подчеркивает исследователь, – используется в “Хожении” в рамках “антиповедения” повествователя, о чем, несомненно, свидетельствует тенденция к саморефлексии в образе автора повествования – именно отчетливо выраженное авторефлексивное начало и порождает авторскую маску»³. В этом смысле точка зрения исследовательницы близка мнению Б. А. Успенского об «антиповедении» Афанасия Никитина в «чужом» пространстве [18].

Продуктивным в изучении памятника представляется комплексный подход, предложенный в диссертационной работе

¹ Осьмухина О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2009. 455 с.

² Осьмухина О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2009. С. 21.

³ Там же. С. 21.

Д. С. Смирновой¹, который предполагает междисциплинарный характер исследования и включает лингвистический и литературоведческий анализы. Отметим, что работы исследовательницы посвящены теоретической проблеме дискурсивного конструирования, нарратива, однако выполненные на материале «Хожения», они многое проясняют в поэтике текста. Используя теорию межкультурной коммуникации, лингвистический анализ, дискурс-анализ и нарратологический подход, Д. С. Смирнова по-новому взглянула на искусство повествования Афанасия Никитина, попыталась определить, чем руководствовался средневековый автор в выборе тех или иных повествовательных стратегий в своем «Хожении».

Сложность нарратологической структуры «Хожения», с точки зрения Д. С. Смирновой, состоит в том, что ненарративный текст, включающий большое количество описательных фрагментов (молитв, молитвенных воззваний, зарисовок природы, культуры чужой земли, быта), обладает имплицитной событийностью, которая достигается, с ее точки зрения, использованием восточных языков, которые маркируют внутреннюю конфликтность героя-повествователя: «автор вкладывает в уста Афанасия Никитина-нарратора иностранное слово, тем самым наделяя автореферентный акт молитвы событийностью» [12, с. 202].

Интересно, но не бесспорно наблюдение исследовательницы над описанием боевых индийских слонов в «Хожении», структурированным по принципу «нанизывания» (от большого к малому), которое она связывает с фольклорной традицией (дуб, сундук, утка, яйцо, иголка). «Действительно, – пишет Д. С. Смирнова, – выбирая подобные стилистические средства Афанасий Никитин <...> сближает историю и литературу и придает итеративным высказываниям оттенок нарративности» [12, с. 202]. Анализ нарративной структуры «Хожения» приводит исследователя к выводу об уникальности писательского таланта средневекового автора, о его искусстве выстраивания сюжета и повествования.

«Хожение за три моря» рассматривается исследовательницей как «уникальное текстовое воплощение раннего опыта

¹ Смирнова Д. С. Дискурсивное конструирование опыта межкультурной коммуникации в биографическом нарративе (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 198 с.

межкультурной коммуникации» в русской литературе»¹. Среди средств конструирования такого опыта важнейшим Д. С. Смирнова считает использование иноязычных выражений, которые создают, по ее мнению, «эффект экзотики» в тексте, рассказывающем о «чужом» пространстве для русского читателя. Однако сама исследовательница сознает зыбкость такой трактовки, так как восточный колорит повествования мог быть создан и иными средствами. Исследовательница указывает на психологический смысл иноязычных вставок, которые должны были «поддерживать у индивидуальной личности ощущение принадлежности к группе, защищать индивида от психологического стресса, вызванного существованием в обществе этнических предубеждений и явлений, способных поколебать целостность и самоидентичность индивида»². В этом смысле Д. С. Смирнова солидарна с точкой зрения Н. С. Трубецкого, слова которого она и цитирует в своей статье: «...тут была потребность обращения к Богу не на обычном, понятном для всех языке – потребность, отмеченная в психологии религии разных времен и народов. Но была тут и своеобразная символика религиозного одиночества»³.

Анализ иноязычных вставок, нарративных стратегий автора приводит исследователя к выводу о важности для героя-повествователя сохранения его религиозной идентичности, но все же «несмотря на усилия Афанасия Никитина сохранить свою культурную идентичность», он стал «религиозным маргиналом»⁴.

Вместе с тем в работах Д. С. Смирновой есть положения, с которыми трудно согласиться. Так, например, в связи с образом «бесерменина Мелика» она выдвигает предположение, что «данный персонаж является вымышленным, так как его слова “поистине, ты не кажешься мусульманином, но и христианства не знаешь” (перевод С. Н. Кистерева) копируют мысли самого нарратора» [13, с. 35]. Возникает вопрос, не осовременивает ли исследователь отчасти персонажей и героя-повествователя, учитывает ли специфику средневековой литературы.

¹ Смирнова Д. С. Дискурсивное конструирование опыта межкультурной коммуникации в биографическом нарративе (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. С. 4.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

Обсуждение вопросов иноязычных вставок, культурной и религиозной идентичности Афанасия Никитина, его отношение к исламу, вопрос о перемене или сохранении веры является центральным едва ли не во всех современных трудах.

В статье «Свой среди чужих» [10] О. В. Родионова предлагает рассмотреть отношение Афанасия Никитина к исламу и мусульманам с точки зрения отношения к исламу в средневековой Руси. Исследовательница убедительно доказывает, что Афанасий Никитин не мог не осознавать, что, отправляясь в путешествие на Восток, он отправляется в грешную землю. В этой связи О. В. Родионова указывает, что само заглавие памятника подчеркивает своеобразие его содержания – описание грешного путешествия. Исследовательница ссылается на Б. А. Успенского, отметившего, что название сочинения Афанасия Никитина имеет символический, а не географический характер. «Замечательно, – подчеркивает О. В. Родионова, – что сам Афанасий Никитин характеризует свое сочинение именно как “грешное хождение”». По ее мнению, «это не традиционный прием самоуничижения, но точное указание на обратный, “перевернутый” характер данного “хождения”» [10, с. 127]. Она сопоставляет в этом плане «Хождение» Афанасия Никитина с визионерскими текстами, в частности, с «Божественной комедией» Данте. Тогда один из внутренних смыслов его путешествия, по мнению исследователя, заключается в следующем: «Как Данте, Афанасий Никитин тверд в своих убеждениях, но вместе с тем стремится понять и почувствовать видимых персонажей, познать Бога и самого себя» [10, с. 127]. Связь с визионерскими текстами обнаруживается исследовательницей и в «причудливой “смеси” бытописания и мифологии»: «рядом с перечислением цен на базаре (“один я человек, а на харч два с половиной алтына в день идет”) появляются рассказы о дивных существах (“змеи ползают по две сажени” – и это в большом, стольном, по словам Никитина, городе); у обезьян есть “язык свой”, а непохожих на родителей детенышей обезьяны бросают, их подбирают индустанцы, “да учат всяким ремеслам”; птица гукук приносит смерть (“на чьем доме сядет, там человек умрет”) и “огонь изо рта пускает”» [10, с. 127–128].

Еще одна загадка сочинения Афанасия Никитина – в смешении языков в тексте памятника. О. В. Родионова предлагает

свою точку зрения на вопрос о причинах и смысле использования иноязычной лексики в «Хожении»: «Греховность места обуславливает применение заведомо неправильного, “нечистого” языка. Применение “неправильного” языка может быть обусловлено в одних случаях непристойным содержанием (обычно, когда речь идет о проституции), а в других – ненормальным местом (ситуацией)» [10, с. 129].

Анализ фрагментов текста с иноязычными вставками (о псах-бесерменах, кафирах, о правильной вере, молитва после разговора с Маликом) приводит исследователя к заключению: «Таким образом, перед нами лингвокультурологическое творчество Афанасия Никитина, которое, с одной стороны, несколько снижает существующий антагонизм с “бесерменами”, а с другой – напротив, дополнительно подчеркивает его использованием непонятного читателю языка, что призвано лишний раз промаркировать противоположное, антикультурное, антиподное пространство, в котором находится автор» [10, с. 135].

Вопрос о перемене православной веры героем-повествователем или ее сохранении исследователь решает положительно: «На наш взгляд, пристрастный интерес путешественника (имеется в виду интерес к исламу, знание “столпов ислама”. – Л. В.) никоим образом не выводит его из православия» [10, с. 129].

К анализу иноязычных вставок и, в частности, имен Бога обратился в своей статье «Мусульманский код “Хожения за три моря” Афанасия Никитина» П. В. Алексеев и предложил иное видение внутреннего сюжета произведения и образа героя-повествователя. «Хожение» Афанасия Никитина он рассматривает как «первый случай [в русской литературе. – Л. В.] оформления и функционирования скрытой мусульманской структуры, значимой для раскрытия идейного содержания всего произведения». Он предлагает новый подход к изучению «Хожения» – не с точки зрения христианского сознания, менталитета, а с позиций «самопонимания мусульманской культуры» [1, с. 70–71], ислама.

П. В. Алексеев указывает на неточности перевода некоторых иноязычных слов и выражений, которые возникли вследствие того, что не были учтены особенности мусульманской культуры и менталитета. С позиций глубокого знания ислама многие фрагменты текста, как и текст в целом, прочитываются иссле-

дователем иначе, чем это имеет место в существующих комментариях к «Хожению» и научных интерпретациях памятника.

Он считает, что «вместо принципа аналогий», который чаще всего применяется в комментариях, следует толковать мусульманские феномены не через подбор христианских аналогий, как, например, дервиш – монах, а учитывая мусульманский код, с помощью которого только и можно адекватно прочесть «Хожение».

П. В. Алексеев считает, что на вопрос о том, принял ислам Афанасий Никитин или сохранил православную веру, ответить однозначно нельзя. С его точки зрения, проблема намного сложнее: «Картину мира человека, о котором мы знаем только с его собственных слов, практически невозможно описать одной “застывшей” характеристикой: отношение Никитина к Исламу не исчерпывается определением “мусульманин” или “не мусульманин”» [1, с. 71]. Исследователь считает, что важно «на вопрос о том, кем себя считал Никитин, или, кем он был по религии, на основании имеющихся текстовых данных необходимо согласиться» с мнением С. Я. Лурье и других, кто считает, что герой-повествователь «не мог принять ислам» [8, с. 77–78], но на «вопрос о том, категориями какой семиотической системы Никитин воспринимал Бога и бытие или кем он был по вере, приходится признать мусульманскую доминанту» [1, с. 71].

В своей статье П. В. Алексеев на основе анализа иноязычных вставок и имен Бога в «Хожении» с помощью мусульманского кода доказывает, что Афанасий Никитин был религиозным вольнодумцем своего времени. В подтверждение этой идеи он обращается к культурно-историческому контексту XV века.

Внутренний сюжет судьбы Афанасия Никитина исследователь рассматривает в связи с общей культурно-исторической ситуацией эпохи Предвозрождения: «Хожение» Афанасия Никитина зафиксировало сложную ситуацию одновременно духовного поиска и протеста личности XV века в условиях формирования на территории Руси централизованного Московского государства, «когда от верующего требовалось быть не “христианской личностью”, как в минувшие века, а дисциплинированным адептом церкви, следовавшим всему, чего требовало от него наружное благочестие и внешняя обрядовость» [1, с. 71–72].

Исследователь доказывает, что мировоззренческая позиция Афанасия Никитина в его путешествии сформировалась под влиянием суфизма: «В этом прорыве к надконфессиональному пониманию Бога видится несомненное влияние мусульманской мистической философии – суфизма, в форме которого, главным образом, ислам и распространялся в Индии XV века» [1, с. 72]. Для доказательства данной идеи он анализирует использование божественных имен Афанасием Никитиным и сопоставляет образ автора с лирическими образами поэзии суфизма, обнаруживая «близость философских позиций Никитина суфизму» [1, с. 72].

В докторской диссертации П. В. Алексеева «Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма» «Хожение» рассматривается как важнейшая составляющая восточного текста русской литературы: «Благодаря этому памятнику XV века в русском ориентализме изначально заложена базовая программа взаимоотношения русского человека с Востоком: обязательное глубокое погружение в восточный менталитет (протеизм на грани отступничества) и право на собственно русское познание и присвоение Востока»¹.

Научные работы П. В. Алексеева, посвященные исследованию «Хожения», несомненно, внесли значимый вклад в научное осмысление памятника и в то же время поставили перед учеными новые вопросы, требующие своего разрешения.

В рамках изучения образа Индии в русской литературе к «Хожению за три моря» Афанасия Никитина обращается Е. В. Фисковец. В ее работах [17]² выдвинуто предположение о том, что Афанасию Никитину были близки индуистские духовные ценности. Слова героя-повествователя «Хожения за три моря»: «... а правую веру Богъ ведает. А права вера Бога единого знати, и имя его призыва на всяком месте чисте чисто», – она связывает с услышанным и осмысленным Афанасием Никитиным наставлением Кришны Арджуне: «В чистом месте воздвигнув твердую опору для себя <...>, сосредоточив сознание на одном, подавивший деятельность мысли и чувств,

¹ Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2016. С. 14.

² Фисковец Е. В. Образ Индии в русской литературе: между реальностью и мечтой: автореф. дис. ... канд. филол. Петрозаводск, 2011. 22 с.

воссев на той опоре, да прибегнет он к йоге ради самоочищения»¹. Отметим, что тот же фрагмент «Хожения» Афанасия Никитина П. В. Алексеев связывает с суфизмом, с мусульманской семиотической системой.

Предположение Е. В. Фисковец о восприятии Индии Афанасием Никитиным как святой земли, а своего путешествия как паломничества, с нашей точки зрения, требует более убедительных доказательств. Думается, что вопрос о восприятии Индии Афанасием Никитиным и связи его с индуизмом гораздо сложнее и требует более тщательного изучения, но как введение в проблему представляет интерес.

Среди направлений изучения «Хожения» в современной науке следует назвать сравнительно-типологические исследования. Одним из примеров такого рода работ является статья А. Ф. Галимуллиной «Образ повествователя в “Хожении” Афанасия Никитина и в “Записках Исмаила Бекмухамедова о его путешествии в Индию”» [5]. Сопоставляя травелоги разных эпох (XV и XVIII веков), написанных авторами, принадлежащими разным религиозным конфессиям и культурам, исследователь устанавливает общность памятников, основанную на константных чертах жанра путешествия, что свидетельствует, по ее мнению, о сложившейся традиции путевых записок, «усвоенных даже зажиточными горожанами» [5, с. 29].

Отличие заключается в специфике образа героя-повествователя: мусульманин Исмаил в Индии посещает святые для мусульман места и чувствует себя как «свой среди своих», иное положение у Афанасия Никитина, поэтому его образ оказывается психологически более сложным. Сравнивая произведения в художественном отношении, А. Ф. Галимуллина отмечает писательский талант Афанасия Никитина и документальный, лаконичный стиль Исмаила Бекмухамбетова.

Перспективной представляется в рамках интермедиальных исследований и рецептивной эстетики тема восприятия Афанасия Никитина и его сочинения в литературе и искусстве. Примером такого рода исследований является статья О. С. Карандашовой и А. Ю. Сорочана «Образ Афанасия Никитина в русской литературе», в которой рассма-

¹ Фисковец Е. В. Образ Индии в русской литературе: между реальностью и мечтой: автореф. дис. ... канд. филол. Петрозаводск, 2011. С. 10.

тривается использование образа Афанасия Никитина в русской литературе XIX–XXI веков: от исторических романов И. И. Лажечникова «Басурман» и Н. В. Кукольника «Иоанн III, собиратель земли русской» до произведений детской литературы и постмодернистских опытов XXI века. Исследователи устанавливают причины обращения И. И. Лажечникова и Н. В. Кукольника к образу тверского купца (его известность в русской культуре XIX века благодаря «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, публикация текста «Хождения за три моря» в 1821 году в «Софийском временнике», а также восприятие Афанасия Никитина как выдающейся личности XV века) и делают выводы о своеобразии его художественного воплощения: «Каждый из них стремился добиться собственных целей, и персонаж становился выразителем определенных религиозно-мистических (в первом случае [Лажечников. – Л. В.]) и политических (во втором [Кукольник. – Л. В.]) идей. Но в обоих случаях реальность исторического факта и конкретно-исторического героя разрушалась за счет вымысла» [6, с. 56].

Авторы обратили внимание на актуализацию и востребованность образа Афанасия Никитина в детской литературе XXI века и разнообразии писательских стратегий его художественного воплощения. В книге Е. Мурашовой «Афанасий Никитин: повесть о тверском купце» (2005) Афанасий Никитин представлен прежде всего горячим патриотом, достойным примером для подражания. В сценарии анимационного фильма «Хождение за три моря» М. Ардашева Афанасий Никитин «изображается как исключительно положительный герой, но его образ и его путешествие являются фоном для приключений и философских исканий собаки» [6, с. 58], хозяином которой и является Никитин.

В серии книг Е. Гаглоева «Афанасий Никитин и Создатель механизмов», «Афанасий Никитин. Повелитель ящериц» и других применяется, по мнению ученых, прием, характерный для постмодернизма – «использование известного в истории, культуре и предшествующей литературе имени, по сути оторванного от прообраза» [6, с. 59].

Статья О. С. Карандашовой и А. Ю. Сорочана демонстрирует неослабевающий интерес русской культуры и лите-

ратуры к личности Афанасия Никитина и его путешествию вплоть до современности.

Обсуждение и выводы

Мы рассмотрели далеко не все научные источники XXI века, посвященные «Хожению за три моря», но наиболее репрезентативные, демонстрирующие основные подходы к памятнику в современной филологической науке.

Представленные в обзоре работы демонстрируют многообразие методологических и методических подходов к тексту: нарратологический, дискурсивный, интертекстуальный и интермедиаальный, имагологический, сравнительно-типологический. «Хожение за три моря» рассматривается в современных исследованиях в контексте проблем гипертекста, дискурсивного конструирования опыта межкультурной коммуникации, автора и героя, авторской маски.

В изучаемых статьях представлены разные точки зрения на важнейшие вопросы содержания и поэтики «Хожения за три моря», что свидетельствует о том, что на сегодня нет единого мнения о мировоззренческой позиции Афанасия Никитина; остается вопрос о внутреннем сюжете его «Хожения», о перемене или сохранении религиозной веры героем-повествователем, жанрового своеобразия, стиля и некоторые другие.

Из нашего обзора очевидно, что наиболее спорным и требующим усилий ученых представляется вопрос об иноязычных вставках в сочинении Афанасия Никитина и связанный с ним вопрос об отношении героя-повествователя к исламу, индуизму, к религиям, с которыми он познакомился в своем путешествии.

Перспективы дальнейшего изучения «Хожения за три моря» в историческом, текстологическом аспекте намечены А. Г. Бобровым: «Наряду с публикацией всех трех редакций сочинения Афанасия Никитина, представляется необходимой подготовка обоснованной в каждом конкретном чтении реконструкции архетипного текста произведения, а также основанного на ней нового перевода на современный русский язык. Потребуется также написание уточненных историко-географических и текстологических комментариев и статей, посвященных хронотопу «Хожения за три моря» Афанасия Никитина, его изучению и восприятию в Новое и Новейшее

время, происхождению и бытованию его списков в древнерусской рукописной традиции» [3, с. 253–254].

Из представленных в нашем обзоре научных источников становится ясно, что актуальными и перспективными являются сравнительно-типологические исследования, изучение памятника в рамках проблемы травелога, гипертекста, интермедийных и интертекстуальных связей «Хожения за три моря» Афанасия Никитина.

Список литературы

1. Алексеев П. В. Мусульманский код «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 3 (15). – С. 70–74.
2. Афанасий Никитин. Хожение за три моря / сост. и предисл. А. П. Богданова. – М.: Алма матер, 2024. – 415 с.
3. Бобров А. Г. Новейшие исследования «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // Русская литература. – 2024. – № 2. – С. 241–254.
4. Бобров А. Г. Что искал в Индии Афанасий Никитин // *Rossica Antiqua*. – 2017. – № 2 (15). – С. 124–143.
5. Галимуллина А. Ф. Образ повествователя в «Хожении Афанасия Никитина» и «Записках Исмаила Бекмухамедова о его путешествии в Индию» // Вестник Татарского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. – 2009. – № 1 (16). – С. 25–29.
6. Карандашова О. С., Сорочан А. Ю. Образ Афанасия Никитина в русской литературе // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2020. – № 1 (64). – С. 53–60.
7. Лихачев Д. С. Хожение за три моря Афанасия Никитина // Лихачев Д. С. Великое наследие. – М., 1980. – С. 299–304.
8. Лурье Я. С. Русский чужеземец в Индии XV века // «Хожение за три моря» Афанасия Никитина / изд. подгот. Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. – Л.: Наука, 1986. – С. 61–87.
9. Осьмухина О. Ю. Авторская маска как способ самоидентификации реальной личности в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина // Вестник Поморского ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2006. – Вып. 8. – С. 199–204.
10. Родионова О. В. Свой среди чужих // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2016. – Вып. 1 (762). – С. 117–138.
11. Семенов Л. С. Хронология путешествия Афанасия Никитина // Хожение за три моря Афанасия Никитина / подгот. изд. Я. С. Лурье и Л. С. Семенова. – Л., 1986. – С. 88–107.
12. Смирнова Д. С. Нарратологическая структура «Хожения за три моря Афанасия Никитина» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2009. – № 7 (1). Вып. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 199–203.
13. Смирнова Д. С. Категория событийности в биографическом нарративе (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Вестник Университета Российской академии образования. – 2011. – № 1. – С. 30–36.
14. Срезневский И. И. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1857. – [2], 88 с.
15. Толстов В. А. Афанасий Никитин. – М.: Молодая гвардия, 2023. – 247 с. (серия «Жизнь замечательных людей», вып. 1978).
16. Трубецкой Н. С. "Хожение за три моря" Афанасия Никитина как литературный памятник // Версты / под ред. Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского; под рук. С. Я. Эфрона; при участии А. М. Ремизова, М. И. Цветаевой, Л. И. Шестова. – 1926. – № 1. – С. 164–186.

17. Фисковец Е. В. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина: Индия глазами русского путешественника // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: материалы 6-й Межвузовской научной конференции. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. – С. 66–69.

18. Успенский Б. А. Дуалистический характер средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б. А. Избранные труды. В 3 т. – М.: Генезис, 1994. – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – С. 254–297.

Liudmila Vigerina

Study of Afanasy Nikitin's *A Journey beyond the Three Seas* in Russian Philology of the 21st Century

A unique work of Russian literature of the 15th century, Afanasy Nikitin's *A Journey Beyond the Three Seas*, despite a long and fruitful history of its study, remains largely mysterious to readers of the 21st century. Unresolved or controversial issues are related to the author's personality, his ideological position, the purpose of the journey, and the specifics of *Journey* as a literary monument. The purpose of the article is to identify the main trends in the study of *Journey* in Russian philology of the 21st century. The novelty of *Journey* interpretation in the 21st century is associated with the use of modern methodology and methods of literary analysis. One of the key issues in the study of the monument is the problem of the author, his consciousness. In the works of O. Yu. Osmukhina, *Journey* is analysed in the aspect of the author's mask. From the standpoint of narratology and intercultural communication, D. S. Smirnova analyses the ways of constructing his cultural and religious identity by Afanasy Nikitin. Within the framework of the current problem of Islam and Russian Literature the motives of Afanasy Nikitin's appeal to Eastern languages (D. S. Smirnova, P. V. Alekseev, O. V. Rodionova and others), the Muslim code of *Journey*, its connection with Sufism (P. V. Alekseev) are studied. A number of works are devoted to the goals of Afanasy Nikitin's journey (A. G. Bobrov), typological connections of the monument with foreign travelogues (A. F. Galimullina), and the analysis of *Journey* as the most important component of the Indian text of Russian literature (E. V. Fiskovets). The article concludes about the significant contribution of Russian philology of the 21st century to the understanding of *A Journey Beyond the Three Seas* and the prospects in studying of the monument.

Key words: *A Journey Beyond the Three Seas* by Afanasy Nikitin, scientific literature review, Russian philology of the 21st century, methodology.

For citation: Vigerina, L. I. (2024) Izuchenie «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina v rossijskoj filologicheskoj nauke XXI veka [Study of Afanasy Nikitin's *A Journey beyond the Three Seas* in Russian Philology of the 21st century]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 10–28. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_10. EDN: ACLQXG

References

1. Alekseev, P. V. (2009) Musul'manskij kod «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina [Muslim code of Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas"]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, Education*. No. 3 (15). Pp. 70–74. (In Russian).
2. Bogdanov, A. P. (2024) (ed.) Afanasij Nikitin. *Hozhenie za tri morya* [Journey Beyond Three Seas; comp. and foreword by A. P. Bogdanov]. Moscow: Alma mater Publ. (In Russian).
3. Bobrov, A. G. (2024) Novejšie issledovaniya «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina [The latest research on Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas"]. *Russkaya literatura – Russian Literature*. No. 2. Pp. 241–254. (In Russian).

4. Bobrov, A. G. (2017) CHto iskal v Indii Afanasij Nikitin [What Afanasy Nikitin was looking for in India]. *Rossica Antiqua – Rossica Antiqua*. No. 2 (15). Pp. 124–143. (In Russian).
5. Galimullina, A. F. (2009) Obraz povestvovatelya v «Hozhenii Afanasiya Nikitina» i «Zapiskah Ismaila Bekmukhamedova o ego puteshestvii v Indiyu» [The Image of the Narrator in Afanasy Nikitin's Journey and Ismail Bekmukhamedov's Notes on His Journey to India]. *Vestnik Tatarskogo gos. gumanitarno-pedagogicheskogo un-ta – Bulletin of the Tatar State Humanitarian and Pedagogical University*. No. 1 (16). Pp. 25–29. (In Russian).
6. Karandashova, O. S., Sorochan, A. YU. (2020) Obraz Afanasiya Nikitina v russkoj literature [The Image of Afanasy Nikitin in Russian Literature]. *Vestnik TvGU. Seriya Filologiya – Bulletin of TvSU. Series Philology*. No. 1 (64). Pp. 53–60.
7. Lihachev, D. S. (1980) Hozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina [Afanasy Nikitin's Journey Beyond Three Seas]. Lihachev D. S. *Velikoe nasledie* [The Great Heritage]. Moscow. Pp. 299–304. (In Russian).
8. Lur'e, YA. S. (1986) Russkij chuzhezemec v Indii XV veka [Russian Stranger in 15th Century India]. «Hozhenie za tri morya» Afanasiya Nikitina; izd. podgot. YA. S. Lur'e i L. S. Semenov [Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas"; prepared by Ya. S. Lurye and L. S. Semenov]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 61–87. (In Russian).
9. Os'muhina, O. YU. (2006) Avtorskaya maska kak sposob samoidentifikacii real'noj lichnosti v «Hozhdenii za tri morya» Afanasiya Nikitina [The Author's Mask as a Way of Self-Identification of a Real Personality in Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas"]. *Vestnik Pomorskogo un-ta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki – Bulletin of the Pomor University. Ser.: Humanitarian and Social Sciences*. Issue 8. Pp. 199–204. (In Russian).
10. Rodionova, O. V. (2016) Svoj sredi chuzhih [One of Our Own Among Strangers]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of Moscow State Linguistic University*. Issue 1 (762). Pp. 117–138. (In Russian).
11. Semenov, L. S. (1986) Hronologiya puteshestviya Afanasiya Nikitina [Chronology of Afanasy Nikitin's Journey]. *Hozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina; podgot. izd. YA. S. Lur'e i L. S. Semanova* [Voyage Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin; prepared by Ya. S. Lurye and L. S. Semenov]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 88–107. (In Russian).
12. Smirnova, D. S. (2009) Narratologicheskaya struktura «Hozheniya za tri morya Afanasiya Nikitina» [Narratological Structure of "Voyage Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya» – Bulletin of Tver State University. Series Philology*. No. 7 (1). Issue «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya». Pp. 199–203. (In Russian).
13. Smirnova, D. S. (2011) Kategoriya sobytijnosti v biograficheskom narrative (na materiale «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina) [The category of eventfulness in biographical narrative (based on Afanasy Nikitin's "Voyage Beyond Three Seas")]. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya – Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. No. 1. Pp. 30–36. (In Russian).
14. Sreznevskij, I. I. (1857) Hozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina v 1466–1472 [Voyage Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin in 1466–1472]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akademii nauk. (In Russian).
15. Tolstov, V. A. (2023) *Afanasij Nikitin* [Afanasy Nikitin]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (seriya «ZHizn' zamechatel'nyh lyudej», Issue 1978). (In Russian).
16. Trubeckoj, N. S. (1926) «Hozhenie za tri morya» Afanasiya Nikitina kak literaturnyj pamyatnik [“Journey Beyond Three Seas” by Afanasy Nikitin as a Literary Monument]. *Versty – Versty*. No. 1. Pp. 164–186. (In Russian).
17. Fiskovec, E. V. (2007) «Hozhenie za tri morya» Afanasiya Nikitina: Indiya glazami russkogo puteshestvennika [“Journey Beyond Three Seas” by Afanasy Nikitin: India through the eyes of a Russian traveler]. «Svoe i «chuzhoe» v kul'ture narodov Evropejskogo Severa [“Ours” and “Aliens” in the Culture of the Peoples of the European North]. Proceedings of the 6th Interuniversity Scientific Conference. Petrozavodsk: PetrGU Publ. Pp. 66–69. (In Russian).
18. Uspenskij, B. A. (1994) Dualisticheskij karakter srednevekovoj kul'tury (na materiale «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina) [Dualistic nature of medieval culture (based on Afanasy Nikitin's "Voyage Beyond Three Seas")]. Uspenskij B. A. *Izbrannye trudy*. V 3 t. [Selected Works] Vol. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. Moscow: Genesis Publ. Pp. 254–297. (In Russian).

Об авторе

Вигерина Людмила Ивановна, доцент Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: livigerina@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0005-4919-2343

About the Author

Liudmila Vigerina, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: livigerina@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0005-4919-2343

дата получения: 26.09.2024 г.
дата принятия: 30.10.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 26 September 2024
date of acceptance: 30 October 2024
date of publication: 28 December 2024